

НЕИЗРЕЧЕННОЕ СЛОВО

Научная статья
УДК 1(091)(470+571)
DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.101-114

Г. С. Смирнов

А. Н. ПОРТНОВ: ЖИЗНЬ ФИЛОСОФА-ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Аннотация. Статья обращается к феномену малой ноосферной истории — университетской интеллектуальной истории. В центре внимания автора статьи — жизненный мир профессора А. Н. Портнова. Представлена динамика научного творчества — от философии сознания к философии языка, от философской антропологии к когнитивным исследованиям. Определены исследовательские приоритеты в рамках философской области знания, метафорически зафиксированные в термине «антропологическая семиотика». Выявлены фундаментальные основания этоса философствования и координаты антропологии мироповседневности — аскеза, экзегеза и «антитеза». А. Н. Портнов показан как представитель «реальной философской антропологии», призванный жить в отчужденном от здравого смысла мире, при этом делающий все для очеловечивания человека. Сделан вывод о принципиальной асинхронности системы ценностей философа и системы ценностей общества в отношении материального и духовного производства.

Ключевые слова: философия языка и сознания, философская антропология, да-зайн, антропологическая семиотика, мироповседневность, жизненный мир, философская экология, малая ноосферная история, духовное производство

Ссылка для цитирования: Смирнов Г. С. А. Н. Портнов: жизнь философа-интеллектуала в русской провинции // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 101—114.

Original article

G. S. Smirnov

A. N. PORTNOV: THE LIFE OF THE PHILOSOPHER-INTELLECTUAL IN THE RUSSIAN PROVINCE

Abstract. The article refers to the phenomenon of the small noospheric history — university intellectual history. The focus of the author is the life world of professor A. N. Portnov. The dynamics of scientific creativity — from the philosophy of consciousness to the philosophy of language, from philosophical anthropology to cognitive research — is presented. Research priorities are defined within the framework of the philosophical field of knowledge, metaphorically fixed in the term “anthropological semiotics”. The fundamental foundations of the philosophizing ethos and the anthropological coordinates of everyday life — asceticism,

© Смирнов Г. С., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 101—114 •

exegesis and “antithesis” are revealed. A. N. Portnov is shown as a representative of “real philosophical anthropology”, called to live in a world alienated from common sense, while doing everything to humanize a human. The conclusion is made about the fundamental asynchrony of the philosopher's value system and the society's value system in relation to material and spiritual (inner) manufacturing

Keywords: philosophy of language and consciousness, philosophical anthropology, dasein, anthropological semiotics, everyday life world, vital world, philosophical ecology, small noospheric history, spiritual (inner) manufacturing

Citation Link: Smirnov, G. S. (2022) A. N. Portnov: zhizn' filosafo-intellektuala v russkoy provintsii [A. N. Portnov: the life of an intellectual philosopher in the Russian province], *Noosphernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 101—114.

Профессор А. Н. Портнов (1947—2010) — ученый-философ, в течение двух десятилетий в значительной степени определял логику и стратегию развития философской жизни ивановского региона. Он являлся заведующим кафедрой философии Ивановского государственного университета, членом ученого совета ИвГУ, Председателем докторского диссертационного совета по философским наукам, Председателем Ивановского отделения Российского философского общества, кроме этого был членом диссертационного совета по филологическим наукам, преподавал в ИГХТУ, ИГЭУ, в других ивановских вузах.

В аспирантуру к Н. П. Антонову А. Н. Портнов пришел выпускником факультета романо-германской филологии, сам выбрал главное направление своих философских интересов — философию языка и сознания. Его кандидатская диссертация «Роль языка в познании и осознании действительности» (Горький, 1980) переросла в исследования, завершившиеся написанием докторской диссертации «Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX—XX веков: Методологический анализ основных направлений исследования» (Иваново, 1997).

Позднее А. Н. Портнов обратился к философской антропологии, главным образом — к немецкой. Переводы и аналитика трудов А. Гелена [Гелен, 2007], [Портнов, 2004], М. Бубера [Портнов, 2008b], Л. Клагеса [Портнов, 2005], Х. Ортега-и-Гассета [Портнов, 2003], М. Хайдеггера [Портнов, 2006; 2007b], А. Щюца [Портнов, 2007a], еще более укрепили высокий научный авторитет профессора А. Н. Портнова в отечественном и зарубежном философском сообществе, который сложился после выхода монографии «Язык и сознание: Основные парадигмы изучения проблемы в философии XIX—XX вв.» [Портнов, 1994].

Профессор А. Н. Портнов подготовил для ивановских и других российских вузов значительное количество докторов и кандидатов философских наук. Для него как научного руководителя были характерны, с одной стороны, внимание к интересам своих подопечных, а с другой — строгость в выполнении ими требований этоса философской науки.

Как заведующий кафедрой — почти два десятилетия — А. Н. Портнов проявлял качества, дающие возможность своим сотрудникам плодотворно работать над образовательными и научными проблемами. Такой подход создавал на кафедре атмосферу, способствующую профессиональному росту каждого преподавателя. Кафедра не имела возможности приобретать достаточное количество

новой литературы, но на столе заведующего всегда лежали стопки новых книг и ксероксы статей, по которым можно было ориентироваться в основных направлениях развития той сферы науки, которой он занимался. Стремление к знакомству с творчеством отечественных и зарубежных ученых-энциклопедистов для А. Н. Портнова было приоритетным.

Самой замечательной чертой Портнова-ученого была интеллектуальная щедрость, он умел в долгих беседах со своими подопечными протестировать и интеллектуальные возможности, и человеческие качества, и найти адекватные способы научного руководства, подсказать пути возможных решений. По этой причине результативность в подготовке научных кадров была достаточно высокой. Вообще антропологическая и личностная направленность в коммуникации была для А. Н. Портнова доминирующей, он мог часами разговаривать по телефону, одновременно находясь в Интернете и делясь какими-то интересными сюжетами.

Думается, что, работая на стыках философии языка и сознания [Портнов, Смирнов, 2004], семиотики и лингвистики [Философия языка..., 1995], философской антропологии и общей этологии [Портнов, Смирнов, 2007], А. Н. Портнов открывал для себя новую область знаний, которую можно было бы назвать «*антропологическая семиотика*». Личностная антропологическая семиотика проявлялась в невероятной наблюдательности, он подмечал мельчайшие особенности в поведении или высказываниях собеседника, что делало его похожим на врача или следователя. Эти профессиональные качества, как и лингвистические наклонности, достались Александру Николаевичу от отца (известного в области прокурора), а он в свою очередь передал их по наследству сыновьям — оба стали юристами...

В юности А. Н. Портнов занимался спортом — тяжелой атлетикой, что позволяло ему выполнять огромный объем работы и одновременно задавало состоятельность в достижении определенных на перспективу целей, будь то получение грантов или достижение высоких результатов рейтинга кафедры.

В интеллектуальной (ноосферной) истории университета заведующие кафедрами выполняют особую миссию, их трудами формируется преемственность, без которой не существует жизнь научной школы и научной традиции. Профессор А. Н. Портнов вывел деятельность ивановской философской школы, у истоков которой стоял его учитель Н. П. Антонов, на новый уровень. К сожалению, многие задумки А. Н. Портнова в области философских исследований оказались нереализованными, но его «неизреченное слово» и сейчас заставляет думать над трудными вопросами его аспирантов и докторантов.

Никто из старшего поколения — нынешних провинциальных профессоров-пенсионеров — не ожидал, что реформация российского образования в ее «земском» («замкадовском»), а не «опричном» (избранные вузы «интенсивного развития») состоянии так незаметно быстро дойдет до состояния дегенерации: все надеялись, что мир провинциальной культуры окажется востребованным новым восходящим классом олигархов, почему-то думалось, что рынок обеспечит свободу мысли и возможность ее всесторонней презентации. Ушедшая эпоха — эпоха надежд на лучшее — теперь вспоминается ностальгически и даже радостно. Вспоминая философа-интеллектуала А. Н. Портнова, мы открываем для себя непреходящие ценности университетской истории, которые для любого

региона могли бы стать эвристичными формами устойчивого развития, и может быть действительно, когда-нибудь еще станут востребованными.

Мозаика повседневной жизни представлена по законам памяти, она, по сути, форма постмодернизма, но главное, что в ней хотелось бы показать — российский дазайн, подлинное бытие несмотря ни на что. Пусть эти воспоминания будут продолжением «Неизреченного слова» — книги, посвященной памяти профессора Портнова [Неизреченное слово..., 2012].

Чашка кофе. Как-то раз в 2005, очевидно, это был один-единственный случай, он пригласил к себе домой выпить чашечку кофе. На прекрасно меблированной кухне стоял бошевский аппарат для приготовления кофе, и мы с некоторым трудом воспользовались его услугами. Кофе был прекрасный, и разговор строился, мы успели поговорить и о кафедральных делах, и о проведении мероприятий в подшефной школе, которая была рядом с его домом, и о всяких личных человеческих сюжетах, но главное было в другом — А. Н. был очень доволен тем, что наконец-то может по-человечески (по-профессорски) посидеть с коллегой дома, не испытывая дискомфорта по тому или иному житейскому обстоятельству. Это новое время, которое пришло в Россию, вселяло в него большие надежды. Потом что-то изменилось, стало ясно, что страна входит в очередной виток какого-то непонятного мифа, но осмыслить новую ситуацию в полном объеме было сложно.

Кот, который гулял сам по себе. Кот, который гулял сам по себе, — постоянный персонаж разговоров, и иногда даже философских рассуждений. Мышление и поведение кота (любимца А. Н., которого иногда приходилось выгуливать на поводке) — этого вечного спутника человеческой жизни — бесконечно абсолютно доказывало, что человек — всего лишь несовершенное животное. И с этим несовершенством надо просто смириться и признать, что это неотменимый факт бытия. Это беспрагматичное животнoлюбие сформировало качества, которые иногда доставляли А. Н. много беспокойств и ставили его в трудное положение. Он принимал на работу бывшего аспиранта, а затем должен был вести за него занятия и ходить к проректору объясняться, почему преподаватель не вышел на занятия или почему он «слишком строг со студентами во время экзамена».

Руководитель, который признает право нижестоящего на некоторую свободу, в наше время еще более редкое явление, чем это было при коммунистическом режиме. За почти двадцать лет своего «правления» А. Н. старался не переходить границу между человеческим отношением и пристрастиями эффективного менеджера, ибо это последнее превращает коллег в персонал атомизированной структуры. Диссипация человеческого, произошедшая в псевдо-рыночном (мизантропо-олигархическом) обществе, очень хорошо чувствовалась А. Н., поэтому неслучайно, что из материалов, накопленных во время стажировки в Москве в 2005 году, он выбрал как переводчик статью А. Гелена «Образ человека в свете современной антропологии», в которой выражена одна из главных мыслей жизни человека в условиях трагедий и соблазнов XX века. Эта статья (которую полезно прочитать целиком) раскрывает, на наш взгляд, ключевые позиции не только современного человека вообще, но и мироощущения самого А. Н.: «Именно там, в объективном предметном мире, находится центр тяжести

нашей экзистенции как действующего и деятельного бытия. То усилие, с которым связан наш труд в поте лица, являет собой, вероятно, решающую категорию антропологии. Именно так, как это подразумевается в Библии: готовность влечений человека к чрезмерному развитию и получению удовольствия *тормозится внешним миром*. Если это так, то поскольку давление нужды ослабевает, чрезмерная разгрузка от работы становится опасной. Может быть, это еще один шаг на пути к раскрепощению ужасающей естественности» [Гелен, 2007: 48].

Философия как точная наука. О профессорской выучке он говорил и в своем выступлении на 100-летию Н. П. Антонова, вспоминая, как тот пригласил преподавателей французского языка для консультаций о правильном написании имени французского антрополога (в то время Н. П. Антонов готовил статью в журнал «Философские науки»). Сам же он иногда вылавливал в своих текстах «вкравшиеся буквы» в иностранных словах и кропотливо вручную их обязательно исправлял во всех экземплярах, лишний раз демонстрируя, что философия — в действительности не просто наука, но точная наука... И сейчас, когда А. Н. увидел бы «непрофессиональные игры» со словами и звуками, он был бы недоволен, но вряд ли осудил, а просто поиронизировал. (Дазайн — «здесь бытие» иногда переводят как «мое бытие в качестве вот», однако, может быть, эту формулу еще более по-хайдеггеровски можно было бы расшифровать как «мое бытие в качестве Тот», что намекает не только на герменевтику, но и на герметическую философию в целом, а сам термин «дазайн» может быть *услышан* и как «первобытие».) [Смирнов, 2015].

Закон ректора Егорова. Поработав некоторое время в должности ректора, В. Н. Егоров сформулировал закон, согласно которому «человек, если может не делать, не делает, и все делает для того, чтобы ничего не делать». Судя по всему, один из главных эмпирических фактов, лежащих в основе этого эмпирического общения, был заведующий кафедрой А. Н. Портнов. Стратегия А. Н. заключалась в простом временении. Он никогда не брался исполнять последние пришедшие на кафедру бумаги, начинал делать только после того, как будет третье напоминание. Он прекрасно знал, что две трети бумаг совершенно бессмысленны и служат только для игр высокооплачиваемых чиновников где-то там наверху. Такое мог позволить себе, естественно, только ученый-профессор высокого уровня, на которого близкое начальство могло «махнуть рукой». Иногда А. Н. приходил расстроенный, иногда (это было нечасто) он приходил в раздражении на заседание кафедры и осуществлял накачку по вертикали, но чаще всего оставлял проработки в себе, не нагружая преподавателей. Он был абсолютно уверен в том, что, с одной стороны, бесконечный бюрократизм — это неизбежно, а, с другой, что это бессмысленно, поэтому относился по-философски даже когда на ученом совете говорили: «Философы ко всему относятся по-философски, поэтому будем их "ремонттировать" в последнюю очередь». Когда общеуниверситетскую кафедру, которая осуществляла подготовку аспирантов и при которой функционировал докторский совет, отправили в пятый корпус к «посадской бане», он не возмущался, а, рассматривая это как благо, засучил рукава и обустроивал свой кабинет и кафедру... Потом, пообвыкнув, он, конечно, расстраивался: «Хотел бы пригласить коллег из Германии на конференцию, но боюсь, что если они зайдут в туалет в 5 корпусе, им мало не покажется». Поэтому и хотел и боялся проводить конференции, соответствующие его профессиональному уровню. Ноосферные конференции хоть и не составляли предмет его

интереса (однажды проректору по науке даже пришлось заставлять его присутствовать на конференции как официальное лицо) [Дмитревская, Портнов, Смирнов Г. С., 2002], [Дмитревская, Портнов, Смирнов Д. Г., 2002], [Портнов, 2001], [Портнов, Шишкина, 1998], он видел эвристическую ценность ноосферно-семиотических исследований. А вот конференции по когнитологии, инициированные его бывшим докторантом Т. Б. Кудряшовой, вызвали у него живой интерес и соответственно поддержку [Портнов, 2008а]. Когда нынешние образовательные реформы рублицируют статус вузов, то исчезает и подпитка для серьезных научных школ. Власть, одаренная футбольным сознанием, не понимает, что на футболе далеко не уедешь, что нужно поддерживать духовную жизнь и духовное производство в самых различных его проявлениях, а не только в сколковских приоритетах.

«Слава Богу, что среди нас верующих нет!». Как-то после кандидатских защит философскому диссертационному совету, которым в течение более чем десяти лет руководил А. Н., неожиданно устроили праздник в лучших традициях русского стиля. Обычно такого рода традиционный товарищеский ужин является неформальным продолжением самой процедуры защиты и то, что не следовало бы сказать по протоколу, проясняется в совместной неформальной беседе. Философы по своей ментальной природе отличаются от ученых, но они отличаются и от богословов, точнее было бы сказать, что философы парадоксальным образом балансируют на грани науки и религии. Именно по этой причине для самих членов совета совместная беседа порой оказывается более значимой, чем обсуждение диссертации, хорошо знакомой по текстам, по крайней мере, авторефератов. Один из коллег, поздравляя новоиспеченных кандидатов, обронил фразу, которая не только показывает определенный философский позитивизм, но и очень точно выражает смысл промежуточного бытия постсоветского времени. «Слава Богу, среди нас верующих нет!» Некоторые из присутствующих с этим не согласились, но спорить не стали, по той причине, что за этой фразой обнаруживают себя несколько смыслов, а проблема эмоционального воцерковления существенно отличается от обретения внутренней фундаментальной веры. А. Н., будучи предельно светским и в некоторой степени даже атеистическим человеком, всегда умел отличать религиозное и научное в их разнообразных проявлениях, более того, он прекрасно чувствовал религиозное лицемерие и истинную веру, что было связано с его глубоким знанием человеческой природы. Примитивная вера и кондовая обрядовость отторгается образованным человеком, ибо она есть некая форма институционального обмана (как, например, обманом может рассматриваться слепая вера в коммунизм по хрущевско-брежневской модели), от которой советское общество так стремительно и неожиданно избавилось в 1980-х годах, когда коммунизм по предсказанию Н. С. Хрущева не случился. Однако с годами человек обретает некую корневую веру, она просыпается в нем как реакция на смерть самых близких людей. После смерти матери А. Н. стал иным, произошел какой-то мировоззренческий сдвиг.

Аскеза и экзегеза. В русской и российской православной традиции достаточно определенно работал императив не только в целом христианской веры, но и большинства мировых религий *ora et labora*. Для А. Н. в известной степени была еще одна формула, которой он подчинял себя и свою жизнь, — аскеза и экзегеза. Для него не было значимо внешнее. Он, например, мог прийти на планерку к ректору небритым или не очень качественно побритым, после чего

ректор предлагал купить ему новую бритву от университета, а сам А. Н. рассказывал об этом с юмором, безо всякой обиды. Он любил ходить, надев под пиджак свитер, рубашка и галстук были для него столь же необычны, как отказ от самости, от своей особой портновской идентичности, когда он, не обращая внимания на статусность, мог сформулировать свою точку зрения по какому-либо научному или жизненному вопросу. Он был неприхотлив в еде и предельно терпим (как бы сейчас сказали, толерантен) к людям: однажды на защите докторской диссертации соискатель из Москвы не только не организовал утренний чай для членов диссертационного совета, прибывших из других городов, но даже не выполнил минимум для многочасовой процедуры защиты — на столах членов совета не было минеральной воды. Как председатель совета он ни словом не дал понять, что этот факт может рассматриваться как неуважение к ученым мужам.

Второй сюжет связан с постоянной нацеленностью на экзегезу в широком смысле слова, он всегда готов был полноформатно прокомментировать научное выступление, текст статьи, указать на неточность и ошибочность. Экзегеза могла рассматриваться как смысл его научного бытия, ибо он никогда не выходил из пространства толкования смыслов текстов и смыслов событий. Правда, в этом случае сакральные стороны не были главенствующими, хотя в какой-то мере подразумевались. Языковая интуиция всегда выступала на первый план. Однажды на кафедре зашел спор о том, как правильно говорить «дискурс» или «дискурс», в словаре ударение стоит на «и», но А. Н. предпочитает говорить на «у». В конечном итоге порешили, что пусть каждый говорит в меру своей «испорченности», понимая, что за ударением стоит свой определенный уровень культурологии. Несколько позднее я обратил внимание на то, что В. П. Раков — профессор-эталон говорит «дискурс», что окончательно убедило в том, что в определении метасмысла А. Н. был безусловно прав.

А. Н. не только в науке, но и в повседневности жил в языковой картине мира, он умел находить абсолютно точное соответствие разнообразной и разнообразной действительности и ее языкового выражения. К сожалению, многие не очень понимали эту его особенность.

Государственный разум и тоталитарное сознание. Зачистка философского пространства в сталинское время и последующие эпохи была настолько эффективной, что естественно Ю. В. Андропов верно сделал вывод о том, что «мы не знаем того общества, в котором живем». Партийные «лидеры» (которые больше были похожи на аутсайдеров или геронтосайдеров) не могли сами понять суть происходящих процессов, а их референты были в значительной степени на крючке смены декораций, свободная мысль, судя по всему, не смогла функционировать даже в перестроечную и постперестроечную эпохи. А. Н. хорошо понимал эту странную ситуацию жизни без головы, но для понимания происходящего в новой «демократической» России он пошел довольно трудной дорогой.

В начале нулевых годов в размышлениях А. Н. все чаще стали подниматься вопросы фашистской эпохи, природы гитлеровской власти, интересны были сопоставления со сталинским устройством государства и общества. Оказывается, что для А. Н. было проще понять, что происходило в нашей стране, сравнивая похожие социально-исторические формы. (В то время было модно сопоставлять Берлин и Москву — в столице прошла знаменитая выставка сопоставления тоталитарного искусства в Германии и СССР.) Однако, судя по всему, для А. Н.

такое сопоставление носило не политический и идеологический, а фундаментальный философско-антропологический характер. Почему так сложились властно-экономические и техно-социальные проекции, что мир вошел в эпоху мировых войн? (По этому поводу я высказывал мнение, что это, прежде всего, борьба фундаментальных идей, а А. Н. видел в этом природу несовершенного человека). Вообще всеобщее несовершенство природы человека для А. Н. было очевидным и естественным, именно поэтому он был очень терпелив и толерантен, он понимал, что каждый человек борется со своими природными несовершенствами и живет в неизбежности своей природы. (Сейчас думается, что именно по этой глубоко-философской причине А. Н. с несогласием относился к ноосферным представлениям, прежде всего в их розовых, оптимистических, абстрактных формах. Действительно, для русской философии такое дезантропологическое видение человеческого бытия весьма характерно: для русской идеи формула Бого-человеческого носит характер естественнонаучного закона, а европейская традиция более прагматична и осторожна в этих формах бескрайних идеализаций). Реальная антропология — вот что искал и к чему стремился в своих повседневных поисках А. Н. — философ антропологической мироповседневности.

Мировоззрение аскезы в век безумного потребления: истина перевода.

Страсть к переводу, судя по всему, была всепоглощающей, когда он обратился к колоссальному массиву немецкой философской антропологии, которая в действительности была фундаментальным продолжением всей беспрецедентной немецкой философской традиции, он не мог не восхититься. Сейчас, оборачиваясь к сути некоторых наших разговоров, становится понятным, почему он иногда говорил, что русская философия вообще не существует, что это не философия, что надо изучать, прежде всего, тексты европейских мыслителей. Дело даже не столько в том, что эпоха «партийной» философии существенно ухудшила «философскую экологию», в значительной степени отбраковала наиболее интересные философские персонажи, а в том, что российско-советской цивилизации было бы очень полезно почитать, что писали немецкие мыслители, которые как-то чудом умудрились выжить при гитлеровском режиме (пусть и побывав «три раза в чреве кита»). Очевидно, А. Н. в значительной степени думал о том, как понять и как найти выход из тупика, в который забралась Россия по пути из коммунизма в царствие небесное. В этом понимании он и видел свою миссию как провинциального философа, живущего в «черной дыре» центральной России, в которую превратился за «новорусские годы» текстильный цех страны, но при этом реально ощущавшего себя европейским гражданином. Думается, что в Европе ему было бы более удобно и профессионально более полезно, но он, судя по всему, видел свою миссию в европейском просвещении размораживающегося народа. Александр Николаевич родился в Южно-Сахалинске и, несмотря на то что Иваново для него не совсем родной город, тем не менее он был глубоко укоренен в культурной традиции, которая сложилась и которую он сам по мере сил и возможностей формировал своей научной, учебной и интеллектуальной деятельностью. Он не смог бы уехать еще в значительной степени и потому, что был человек рода. Ответственность за воспитание и образование сыновей в нем, безусловно, перевешивала очень многое в сфере его приоритетных ценностей. Неслучайно он поддерживал в них то стремление, которое связано с традицией его отца, юридическую профессию которого он очень уважал и, без сомнения,

постоянно чувствовал себя юристом, когда преподавал студентам юридического факультета формальную логику. Его лекции всегда выходили за чисто учебный контекст, он любил в них обращаться к тем примерам, которые ему казались гораздо более значимыми для культурного юридического сознания. Когда он уставал от собеседования со студентами во время экзаменов и, желая немного погреться, приходил в соседнюю аудиторию, где я принимал экзамен, он с живостью эмоционального человека рассказывал о примерах, которые приводили студенты, о своих размышлениях по поводу «новых» студентов, об ухудшающемся состоянии общего образования выпускников школ. Его не столько смущали стены в дырах, разрисованные парты (он даже очень любил изучать студенческий фольклор с чисто профессиональной точки зрения, как семиотик и языковед, это, с его точки зрения, давало очень важный компонент понимания нашей реальности), разбитые доски и поломанные стулья, сколько растущее неуважение к знанию и еще большее неуважение к человеку. Несмотря на значительный рост благосостояния в последние годы (он изменился, когда переехал в элитный дом и в удобства, которые кардинально отличались от условий панельной пятиэтажки, в которых он прожил долгие годы, ему было с чем сравнивать, ибо он жил и в элитной по послевоенным годам «Подкове», и в приходящем в упадок «Корабле»), когда он имел свой кабинет для работы и, может быть, самое дорогое для него — оранжерею кактусов в отапливаемой лоджии — своеобразную лабораторию, способствующую его размышлению о мире и о себе, несмотря на все это он оставался по-прежнему человеком паритета ценностей. Никогда в этой жизни материальная сторона не закрывала главную — научно-интеллектуальную, размыслительную. Не знаю, было ли это следом советского бытия или корневой структурой сознания, но для него хороший костюм или дорогая машина не затмевали главное качество — открытую форму личностного общения, которая, судя по всему, и составляла главный смысл большого антропологического бытия...

В последние годы он очень много работал, он вел занятия не только в родном университете, но и в трех других вузах, он был очень востребован как крупный специалист не только в философии, но и в философской антропологии, семиотике, культурологии и философии культуры. Больше всего он любил работать со студентами-культурологами в ИГХТУ, мне казалось, что это вызывало у него некий восторг, сравнимый с тем, когда ребенок получает неожиданно удивительную игрушку. Студенты к нему испытывали похожие чувства. В период кризиса, очевидно, эта работа была необходима еще и потому, что возникли потребности в дорогих лекарствах, он трудился для компенсации потерь от прошедшего кризиса.

Быть в большой культуре — это естественное состояние, к которому он стремился и как человек, и как гуманитарий. Он очень много и очень разнообразно читал, любил журналы (например, «Наука и жизнь», «Природа», «Человек» и др., газеты «Независимая газета», «Новое военное обозрение»). Когда мы возвращались с кафедры пешком, он обычно останавливался у какого-нибудь киоска и покупал солидную пачку газет. Когда пришло время Интернета — самые первые его годы, он подключился за довольно высокую плату к безлимитному Интернету и внимательно изучал немецкоязычный его сектор. Компьютер очень часто его не слушался, он жаловался на неожиданные неприятности с ним,

но упорно штурмовал новые информационные горизонты, он чувствовал, что это делает его человеком мира.

Еще в первом корпусе в старой 205-й аудитории, где проработали практически все заведующие кафедрой философии в послевоенный период, за столом, где сидели и Н. П. Антонов, и Л. Г. Олех, и А. В. Ерахтин, и Р. З. Хакимов, и П. А. Лежебоков, он, даже не пытаясь разобраться в книжных и бумажных зава-лах, рассказывал о том, что ему удалось узнать из совершенно нового источника информации и знаний. Новая техника доставляла много забот, и он очень часто оказывался без набранного текста или собранного материала, но это не разочаровывало его, а, наоборот, заставляло с еще большим усердием окучивать поле Интернета и информационного пространства (как это он делал на даче, сажая картошку или выращивая цветы, или ведрами таская воду для полива). Такое впечатление, что для него и та и другая работа доставляла одинаковое наслаждение, от которого он приходил в рабочее состояние для университетской и академической жизни.

Путь аскезы. «Если возможно себе представить некий выход, то он видится собственно только в аскезе. В практическом плане это будет означать, что, по меньшей мере, мы исключим себя из того, что Бергсон называл погоней за благосостоянием. Тогда аскеза будет выступать не в ее высшей религиозной форме как *sacrificium*, но как *disciplina*. Поскольку мы сформулировали мысль, идущую в разрез с духом времени, имеет смысл немного развить ее. ... Даже в этой, а именно как *disciplina* и *stimulans*, как концентрация духовного и волевого самоконтроля аскеза опасна и станет предметом совместных нападков капитализма и социализма, которые полностью согласны между собой только в этом пункте — в гонке за благосостоянием, или, как выражаются более возвышенно, в борьбе за повышение жизненного уровня. В современном обществе аскету нет места — это утопическая фигура. То, что здесь скрывается действительная проблема, показывает следующее: из всех элементов христианской религии именно этот не подвергается секуляризации. Ясно, что здесь мы имеем дело с серьезным явлением. Можно понимать свободу, равенство, прогресс, гуманизм и многие другие категории — сделать то же самое применительно к аскезе еще никто не решился. Это такая вещь, что превратить ее в пустую фразу, не впадая в опасность явной абсурдности, просто невозможно. Напротив, антропология должна числить ее среди категорий высшего порядка. Более того, она должна рассматриваться — исходя из заключенной в ней способности к редукции инстинктов — прямо-таки как продолжение процесса гоминизации» [Гелен, 2007: 48—49]. Эта обширная цитата очень много проясняет в жизненном мировоззрении, показывает, как был устроен его жизненный мир (термин, который он часто использовал), функционировавший в некоем реальном противоречии.

Когда на Антоновских чтениях волею судеб, отвечая на вопрос А. Н., я вспомнил об этой цитате из переведенной им статьи, я почувствовал, что он испытал чувство удовольствия от того, что его поняли в сути его мировоззренческой позиции, позиции философа, призванного жить в отчужденном от здравого смысла мире. Когда мы говорили о невыносимой странности постсоветского бытия в формулах «абрамович» или «прохоров», он как бы вспоминал цитату из В. Джеймса, выбранную А. Геленом для своей статьи: «Мы презираем всякого, кто избирает бедность, чтобы упростить и спасти свою внутреннюю жизнь. Всякого, кто не надрывает свои силы в погоне за деньгами, мы считаем уже

бессильным и лишенным честолюбия человеком ... мне представляется необходимым для каждого из нас серьезно подумать об этом обстоятельстве. Царящий среди образованных классов страх перед бедностью представляет собой тяжкую нравственную болезнь, от которой страдает вся современная культура» [Гелен, 2007: 49].

Чистое философское пространство. Именно поэтому важна просветительская функция философа. Один выбирает классиков философии и трудится над их пониманием и переложением, обычно это И. Кант, иногда К. Маркс. А. Н. выбрал философских современников, ему крайне интересно было его альтер-эго в Европе, поэтому он переводил философские статьи А. Гелена и поэтические философские строки К. Шмитта — его современников по жизни в XX веке. Не случайно на конференции по когнитологии 2010 года, посвященной А. Н. Портнову, В. С. Волкова говорила о том, что время написания стихотворения «песнь шестидесятилетнего» почти совпадает с днем рождения самого А. Н.

Сейчас, когда Россия готовится пережить то, что Европа пережила 40—50 лет назад, нет больше пользы, чем изучать немецкую философскую антропологию, поэтому А. Н. оставил культуре «новых русских» некий «спасательный круг», без которого одна — малая — часть нынешнего российского общества так и будет продолжать душить «чистыми рыночными руками» другую — большую — ее часть.

Разговоры о смерти и о коте. Иногда А. Н. звонил домой, несколько раз это было незадолго до полуночи, очевидно, он подолгу сидел в Интернете, а затем вспоминал, что нужно обговорить какой-то завтрашний вопрос, он любил работать ночью, когда никто не мешает, а на занятия приходил (и просил ставить в расписание) не раньше третьей пары.

Когда было время поговорить (если звонок был днем), мы обсуждали вопросы по пришедшим в диссертационный совет текстам диссертаций, обсуждали учебные занятия, иногда он искал поддержки в трудных ситуациях кадрового или административного характера, было видно, как это его угнетало. Больше всего он любил поговорить ни о чем, т. е. обо всем сразу, о том главном, что составляет содержание даэзин, «дружеский треп», как это было принято еще со времен советских кухонь, делает мир теплее и роднее.

Иногда меня дома не оказывалось, тогда А. Н. говорил с супругой, к которой относился, как и другим особам прекрасной половины человечества, с некоторой нежностью. Его жажда простого человеческого естественного общения, казалось, пересиливает все остальные, и даже научные, интересы.

В тот год А. Н. похоронил мать (у супруги к тому времени ушли из жизни оба родителя), поэтому, когда я поинтересовался, о чем они говорили, оказалось — о смерти (нет для философа большей загадки, чем смерть) и о коте (нет большей радости для философа, чем жизнь-бытие).

Жизнелюбие философа совсем не странное явление, оно вытекает из того, что система ценностей философа практически всегда отлична от системы ценностей общества, в котором он живет, его ценности вечные, абсолютные и лишь вторым темпом материальные.

За два дня до внезапной смерти А. Н. к нему в кабинет, ища коллегу-философа, заглянул преподаватель из другого корпуса. А. Н. обрадовался, стал приглашать зайти (он всегда готов был отложить все свои бесконечные дела, чтобы поговорить). Спешка позволила задать лишь один вопрос: «Как дела,

Александр Николаевич?»). Ответ был солоноват и горек и, как положено в этом случае, был высказан «простым русским языком», на котором говорят тогда, когда уже бесполезно что-то говорить... Создавать изо дня в день, из года в год свою философскую реальность, собирать антропологические пазлы, создавать систему гуманитарного университетского бытия и вдруг обнаружить, что все трещит по швам: ставки на кафедре сокращаются, переход на бакалавриат бесконечно понижает уровень притязаний, тают возможности сохранения аспирантуры и докторантуры, ставится под вопрос деятельность диссертационного совета, а фурсенизации образования невозможно что-либо возразить. Глас вопиющего в пустыне интеллигента-философа — это картина, достойная Босха.

Российский Дазайн — это уход из жизни в самом расцвете сил и возможностей. Обычно так бывает, когда человек испытывает колоссальные трудности преодоления, невозможность удержаться в бешеном потоке социального безумия, похожего на ту ситуацию, которая описывается в евангельской притче о стаде взбесившихся свиней.

Пройдет время, и история все расставит по своим местам: значение каждой личности обретет свой неотменимый смысл, станет ясно, кто работал ради будущего, а кто пытался прихватить не только то, что плохо лежит, но и что лежит хорошо. Станет отчетливо видно, что главная работа — это работа, связанная с развитием человеческого потенциала, силы и напряжения разума, очеловечивания человека; философский пейзаж станет столь же органичным для власти и общества, как органичен сейчас дешевый внешний и внутренний евроремонт, вот тогда, очевидно, и станет не дурным тоном читать умные книги. Бытие и время вернуться в человеческую, в том числе и российскую историю.

Библиографический список / References

- Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Т. 9, № 3 (37). С. 37—51.
(Gehlen A. The image of a person in the light of modern anthropology, *Person. Culture. Society*, 2007, vol. 9, no. 3 (37), pp. 37—51. — In Russ.)
- Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // *Ноосферные исследования*. 2002. Вып. 1. 158 с.
(Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov G. S. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems, *Noospheric research*, 2002, vol. 1, 158 p. — In Russ.)
- Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // *Ноосферные исследования*. 2002. Вып. 2. 177 с.
(Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov D. G. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems, *Noospheric research*, 2002, vol. 2, 177 p. — In Russ.)
- Неизреченное слово: мемориальный сборник, посвященный профессору А. Н. Портнову / отв. ред. Г. С. Смирнов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 308 с.
(Smirnov G. S. (ed.) *The Unspeakable Word: A Memorial Collection Dedicated to Professor A. N. Portnov*, Ivanovo, 2012, 308 p. — In Russ.)
- Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX веков. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 370 с.

(Portnov A. N. Language and consciousness: the main paradigms of the study of the problem in the philosophy of the XIX—XX centuries, Ivanovo, 1994. 370 p. — In Russ.)

Портнов А. Н. «Ноосферная парадигма образования» — утопия или путь выхода из кризиса // Ноосферное образование в России: материалы межгосударственной научно-практической конференции (3—5 октября 2001 г.): в 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. Ч. 2. С. 137—144.

(Portnov A. N. «Noospheric paradigm of education» — a utopia or a way out of the crisis. *Noospheric education in Russia: materials of the interstate scientific-practical conference (October 3—5, 2001): in 2 vols.* Ivanovo, 2001, vol. 2, pp. 137—144. — In Russ.)

Портнов А. Н. Философская антропология Хосе Ортеги-и-Гассета в контексте антропологических идей XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 40—50.

(Portnov A. N. Philosophical anthropology of José Ortega y Gasset in the context of anthropological ideas of the twentieth century, *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2003, no. 2, pp. 40—50. — In Russ.)

Портнов А. Н. Философская, психологическая и социальная антропология А. Гелена (к столетию выдающегося мыслителя) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 50—58.

(Portnov A. N. Philosophical, psychological and social anthropology of A. Gehlen (on the centenary of an outstanding thinker), *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2004, no. 2, pp. 50—58. — In Russ.)

Портнов А. Н. Философская и психологическая антропология Л. Клагеса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 94—104.

Portnov A. N. Philosophical and psychological anthropology of L. Klages, *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2005, no. 2, pp. 94—104. — In Russ.)

Портнов А. Н. Философия языка Мартина Хайдеггера (языковое сознание и языковая личность) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 37—54.

(Portnov A. N. Martin Heidegger's Philosophy of Language (Linguistic Consciousness and Linguistic Personality), *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2006, no. 2, pp. 37—54. — In Russ.)

Портнов А. Н. «Жизненный мир» Альфреда Шютца: некоторые пояснения // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, № 2 (36). С. 43—51.

(Portnov A. N. «Life World» by Alfred Schütz: some explanations, *Person. Culture. Society*, 2007, vol. 9, no. 2 (36), pp. 43—51. — In Russ.)

Портнов А. Н. М. Хайдеггер: «дело мышления» и «дело языка» // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, № 4 (39). С. 43—60.

(Portnov A. N. M. Heidegger: «the matter of thinking» and «the matter of language», *Person. Culture. Society*, 2007, vol. 9, no. 4 (39), pp. 43—60. — In Russ.)

Портнов А. Н. События и встречи Мартина Бубера (предисловие к переводу А. Н. Портнова) // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 1 (40). С. 19—20.

(Portnov A. N. Events and meetings of Martin Buber (preface to the translation by A. N. Portnov), *Person. Culture. Society*, 2008, vol. 10, no. 1 (40), pp. 19—20. — In Russ.)

Портнов А. Н. Когнитивная революция в науке: мифы или реальность // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы Международной научно-

- практической конференции (16—17 октября 2008 г.). Иваново: ОАО «Издательство "Иваново"», 2008. С. 9—14. Это официальное название. Я сверяла
(Portnov A. N. Cognitive revolution in science: myths or reality. *Actual problems of modern cognitive science: materials of the international scientific and practical conference (October 16-17, 2008)*, Ivanovo, 2008, pp. 9—14. — In Russ.)
- Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Языковое сознание и семиотическое измерение глобализационных процессов // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. М.; Барнаул: Институт языкознания РАН, 2004. С. 28—36.
(Portnov A. N., Smirnov D. G. Linguistic consciousness and semiotic dimension of globalization processes, *Linguistic consciousness: theoretical and applied aspects*, Moscow; Barnaul, 2004, pp. 28—36. — In Russ.)
- Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Биологическая семиотика: некоторые философско-методологические проблемы исследования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 38—52.
(Portnov A. N., Smirnov D. G. Biological semiotics: some philosophical and methodological problems of research, *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2007, no. 2, pp. 38—52. — In Russ.)
- Портнов А. Н., Шишкина Г. М. Ноосфера и семиосфера: генетические аспекты // Ноосферная идея и будущее России: материалы межгосударственной научно-практической конференции (28—29 мая 1998 г.). Иваново, 1998. С. 82—86.
(Portnov A. N., Shishkina G. M. Noosphere and semiosphere: genetic aspects, *Noospheric idea and the future of Russia: materials of the interstate scientific and practical conference (May 28—29, 1998)*, Ivanovo, 1998, pp. 82—86. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Российский дазайн: первобытие «Александра Великого» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (15). С. 76—83.
(Smirnov G. S. Russian dasein: the primeval existence of «Alexander the Great», *Ivanovo State University Bulletin. Series «The Humanities»*, 2015, no. 2 (15), pp. 76—83. — In Russ.)
- Философия языка и семиотика / под ред. А. Н. Портнова. Иваново, 1995. 231 с.
(Portnov A. N. (ed.) *Philosophy of language and semiotics*, Ivanovo, 1995, 231 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Smirnov Grigory Stanislavovich — Doctor of Sciences (Philosophical), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovgs@ivanovo.ac.ru